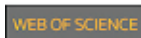

Мокієнко В. М. Пареміологія Петровської епохи як історичний джерело / В. М. Мокієнко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 114—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-114-134.

Mokienko, V. M. (2022). Paremiology Peter's Era as Historical Source. *Nauchnyi dialog*, 11(3): 114-134. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-114-134. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-114-134

Пареміологія Петровської епохи як історичний джерело

Мокієнко Валерій Михайлович

orcid.org/0000-0002-0264-0576
доктор філологічних наук,
професор
mokienko40@mail.ru

Санкт-Петербурзький
державний університет
(Санкт-Петербург, Росія)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного
проекта № 20-012-42008
«Пословицы и поговорки
Петровского времени
как культурный феномен
языковых реформ
(ретроспектива и перспектива)»

Paremiology Peter's Era as Historical Source

Valery M. Mokienko

orcid.org/0000-0002-0264-0576
Doctor of Philology, Professor
mokienko40@mail.ru

Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was financially
Supported by the Russian Foundation
for Basic Research
within the framework of the scientific
project № 20-012-42008
“Proverbs and sayings of the time
of Peter the Great as a cultural
phenomen of language reforms
(retrospective and perspective)”

© Мокієнко В. М., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются пословицы и поговорки Петровской эпохи как важный источник изучения русского языка и культуры. Подчеркивается, что время Петра Первого вошло в историю как эпоха кардинальных и великих преобразований России, которые затронули разные сферы жизни общества. Отмечается, что именно с Петровской эпохой многие исследователи связывают образование русского литературного языка. Утверждается, что изучение языка эпохи Петра Первого невозможно без анализа паремий — столь образного и экспрессивного речевого материала, в котором отражается отношение народа к наукам и образованию, бытовым реалиям, пространственным фактам и др. В статье подчёркивается значение паремиологического наследия Петровской эпохи для исследования ее языка и культуры: сборники пословиц и поговорок П. К. Симони, А. И. Богданова, В. Н. Татищева, Петровской галереи, рукописного сборника пословиц, поговорок и приказок Петровского времени, А. А. Барсова. Доказывается особое значение рукописного собрания П. К. Симони, пословицы и поговорки из которого отражают многие детали жизни этого периода и запечатлевают историю русской разговорно-просторечной и диалектной речи. Примеры такого рода подвергаются в статье лингвистическому и культурологическому анализу.

Ключевые слова:

паремиология; пословицы и поговорки; эпоха Петра Первого; историческая лингвокультурология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Proverbs and sayings of the Petrine era are considered as an important source for the study of the Russian language and culture. It is emphasized that the time of Peter the Great went down in history as an era of cardinal and great transformations in Russia, which affected various spheres of society. It is noted that many researchers associate the formation of the Russian literary language with the Petrine era. It is argued that the study of the language of the era of Peter the Great is impossible without the analysis of proverbs — such figurative and expressive speech material, which reflects the attitude of the people to science and education, everyday realities, spatial facts, etc. The importance of the paremiological heritage of the Petrine era for the study of its language and culture: collections of proverbs and sayings by P. K. Simonyi, A. I. Bogdanov, V. N. Tatishev, Petrovsky Gallery, a handwritten collection of proverbs, sayings and sayings of Peter's time by A. A. Barsov is emphasized in the article. The special significance of the handwritten collection of P. K. Simoni is proved, proverbs and sayings from which reflect many details of the life of this period and capture the history of Russian colloquial and dialectal speech. Examples of this kind are subjected to linguistic and cultural analysis in the article.

Key words:

paremiology; proverbs and sayings; the era of Peter the Great; historical cultural linguistics.

Паремиология Петровской эпохи как исторический источник

© Мокиенко В. М., 2022

1. Введение = Introduction

Время Петра Первого вошло в историю как эпоха кардинальных и великих преобразований России. Изменения, происходившие в Петровскую эпоху, затронули практически все сферы государственной и частной жизни. Именно с Петровской эпохой многие исследователи связывают образование русского литературного языка, в это время формируется язык нового качества — гражданское посредственное наречие. Все уровни языковой системы этого периода динамизировались, но самыми заметными новациями стали кардинальные обновления словарного состава: лексики и фразеологии. Демократизация литературного русского языка привела здесь к освобождению от некоторых устаревших книжно-славянских канонов, вливанию в него мощного потока европейских заимствований и живой стихии народной речи.

В этом потоке заметный след оставили пословицы и поговорки: как исконно русские, речевые, так и калькированные из европейских языков из обильной переводной литературы. Поэтому, изучая язык эпохи Петра Первого, невозможно пройти мимо столь образного и экспрессивного речевого материала. Паремиология, с одной стороны, демонстрирует органическую связь с предыдущим языковым состоянием — языком Московской Руси, а с другой стороны, перспективность тех лингвистических, лингво-когнитивных, лингво-социологических процессов, которые берут начало в период петровских реформ и стимулируют многие активные процессы современного состояния языка и общества. Диахроническое изучение фразеологического и паремиологического фонда русского языка невозможно без исследования фразеологии XVIII века: «в это время возникли, окончательно сформировались или получили первую фиксацию в памятниках многие фразеологические единицы современного русского языка» [Палевская, 1980, с. 4].

Паремиологическое наследие Петровской эпохи следует рассматривать на фоне тех преобразований, которые для неё характерны, в том числе и языковой политики Петра I, которая служила ему мощным инструментом процесса воспитания нового отношения к власти и воздействия власти на подданных европеизированного государства. Смещение европейского, народно-разговорного, делового и книжно-славянского языкового материала образовывало своеобразный «плави́льный котёл», в котором формирова-

лась новая литературная норма при отсутствии на этот момент синтезирующей концепции русского литературного языка. Паремииология Петровской эпохи в полной мере отражает динамику ее языкового развития от книжных церковнославянских канонов к стихии народной разговорной речи, а также мощный поток заимствованных (resp. калькированных) паремий из европейских языков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение пословиц и поговорок Петровского времени непосредственно связано и с необходимостью их единого систематического лексикографического описания. При том, что в допетровское время пословицы и поговорки не собирали, период Петровского времени уже ознаменован первыми собраниями и записями паремий. При этом паремииографы Петровской эпохи не отличали пословиц от поговорок и книжных выражений (в том числе, библеизмов), что оказало влияние на корпус всех паремииологических собраний этой эпохи. К таким собраниям относятся сборники П. К. Симони [Симони, XVII—XIX], А. И. Богданова [Богданов, 1741], В. Н. Татищева [Татищев начала XVIII], Петровской галереи [Сборник ..., 1961], рукописного сборника пословиц, поговорок и присказок Петровского времени [РС начала XVIII], А. А. Барсова [Барсов, 1770]. Ценным источником является и «Немецко-латинский и русский лексикон ...» Э. Вейсмана [Лексикон, 1731], пословицы и поговорки в составе которого уже привлекали специальное внимание исследователей [Geurg, 1981; Radzik, 2000].

В ряду таких собраний по представленным в них материалам хронологически самым ранним, видимо, следует считать сборник, изданный П. К. Симони, который датируется началом 1690-х годов [Симони, XVII—XIX]. Он содержит пословицы и поговорки раннепетровского времени, давая возможность изучить генетическую преемственность и новаторство паремииологии Петровского времени по сравнению с периодом языка Московской Руси. Самый же поздний источник такого материала — это сборник А. И. Богданова [ППЗ, 1961, с. 65—118, 259—263], формально заверченный в 1741 году, и сборник А. А. Барсова, изданный в 1770 году, но отразивший более древние записи русских паремий. К этому общему хронологическому диапазону относятся и другие паремииологические собрания, ссылки на которые будут представлены ниже.

Собрание «Старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий», которые собрал, подготовил к печати и издал в 1899 году П. К. Симони [Симони, XVII—XIX], было воспроизведено известным филологом по рукописи Петровского времени, то есть хронологически относится к самому концу XVII — началу XVIII веков.

О ценности этой рукописи свидетельствует факт, что спустя год ее материалы были опубликованы в «Памятникахъ древней письменности и искусства» за 1880 год [РС начала XVIII, вып. IV, отд. 2, с. 75—1141] Общества Любителей Древней Письменности. Редактор этого выпуска «Памятников» Ф. И. Булгаков предваряет публикацию кратким комментарием и описанием рукописи: «Рукопись, по внешнему виду, очень истрепана, что называется, зачитана, и конца в ней недостает, хотя это ничуть не лишает интереса и значения настоящий список, представляющий некоторые варианты к ходячим и распространенным в народе пословицам. Особенно же любопытны в печатаемом списке пословицы, в которых выражается народное мировоззрение, обусловливаемое историко-бытовыми условиями того времени, а равно и присказки, сложенные в виде каких-то виршей» [Симони, XVII—XIX, с. 166]. Хронологическая атрибуция рукописи сделана П. К. Симони прежде всего на основе качества её бумаги. Первые листы рукописи (1, 2, 18, 19) «писаны на голландской бумаге ..., бумага никак не позднее 1700 года», а другие — не намного позднее («бумага, по-видимому, 1710—1720 г.» [Там же]. Издатель в предисловии лапидарно сообщает историю этого сборника пословиц, поговорок и присказок. Рукопись принадлежала академику Л. Н. Майкову, получившему её в 1879 году от доктора Н. Г. Ордина из г. Кадникова Вологодской губернии.

Материалы рукописного собрания П. К. Симони и других сборников являются не только языковыми, но и историческими документами, отразившими жизненно важные реалии России соответствующего периода. Не случайно поэтому они постоянно востребованы как в паремиологических исследованиях, так и в отечественных исторических словарях.

Достаточно упомянуть, что в двух фундаментальных словарях, относящихся к Петровской эпохе: «Словаре русского языка XVIII века» [СлРЯ XVIII] и «Словаре обиходного русского языка Московской Руси (XVI—XVII века)» [СОРЯ XVI—XVII] — собрание П. К. Симони расписано и используется с максимальной полнотой. Причём нередко именно пословицы и поговорки из этого источника являются единственными паремиологическими материалами соответствующих хронологических периодов и не находят «переклички» в других письменных памятниках того же времени. Показательно при этом, что в обоих словарях, где эксерпции из паремиологического собрания П. Симони представлены активно как контекстные иллюстрации к описываемым лексемам, хронология каждой отдельной паремии не устанавливается, а имплицитно в общем: для СлРЯ XVIII века — XVIII веком, для СОРЯ — XVI—XVII веками¹:

1 В целях экономии места точные данные об источниках приводятся не полностью, читатель найдёт их в нашем «Большом словаре русских пословиц» [Мокиенко и др., 2010].

СлРЯ XI—XVII веков: *Адам привычен (привычон) к бедам* (Сим., 75; СлРЯ XI—XVII вв. 19, 124; Сн., 1848, 2); *Римская вера что неуставная мера* (Сим., 138; СлРЯ XI—XVII вв. 11, 338; Тан., 1986, 131), где *неуставной* ‘неустановленный, незаконный’; *Аганит свиней сидя вабит, бежат к нему сами что мухи на мёд* (Сим., 76; СОРЯ XVI—XVII вв. 2, 9, 16), где *вабить* ‘подзывать, приманивать’; *Альфе (Alfe) учиться (учится) Марфе* (Сим., 77; СлРЯ XI—XVII вв. 1, 34), где *альфа (алфа)* ‘азбука’; *Аз да буки избавят (избавит) ли от муки?* (Сим., 74; СлРЯ XI—XVII вв. 1, 23; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 302; Ан., 1988, 14) [АА].

СОРЯ XVI—XVII веков: *Ад без (безо) дна, [а] век без конца* (Сим., 77; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 38; 2, 62 и др.); *Баба дурует, а деду грехи* (Сим., 83; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 32); *То не беда, что во ржи лебеда* (Сим., 143; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 97); *Вопрос: что де бос? Ответ: «Сапогов нет»* (Сим., 86; СОРЯ XVI—XVII вв. 1, 251); *Холостой — простой, женат — рогат, а вдовец — что зяблец* (Сим., 150; СлРЯ XI—XVII вв. 22, 177 и др.), где *рогат* ‘сильный, крепкий, уверенный в себе’ [Там же].

СлРЯ XVIII века: *Мыло черно, да моет бело* (Сим., 122; Петр. галер. нач. XVIII в., 30 и др.); *Пока (покуда, поколе, доколе, дондеже) солнце взойдёт / всходит* (Сим., 97, 132), *[а] роса очи (глаза) выест* (Барс., 1770, 178; СлРЯ XVIII в. 3, 136 и др.); *Соловья (соловей) баснями (басни) не кормят* (Сим., 139; Петр. галер. нач. XVIII в., 35; Паус нач. XVIII в., 40; СлРЯ XVIII в. 10, 175 и др.); *В чужую часть не ворогушей (не ворогушею) впасть* (Сим., 89; Тат. нач. XVIII в., 50 и др.), где *ворогуша* ‘враг, ворог’; *Недосол — на столе, [а] пересол — на спине* (Сим., 128; СлРЯ XI—XVII вв. 11, 95; 12, 290; СлРЯ XVIII в. 14, 171 и др.) [Там же].

Здесь необходимо обратить внимание читателя на важную деталь: многие такие отсылки на собрание П. К. Симони повторяются в словарях разного хронологического диапазона СлРЯ XI—XVII веков — СОРЯ XVI—XVII веков — СлРЯ XVIII века. В приведенных примерах такие «сопряжения» специально иллюстрируются последними словосочетаниями из пяти, избранных нами для иллюстрации. Нередко, впрочем, можно найти отсылки к собранию П. К. Симони во всех трёх фундаментальных словарях — напр.: *Брань на вороту не виснет* (Сим., 78; СлРЯ XI—XVII вв. 2, 191; СОРЯ XVI—XVII вв. 2, 215; СлРЯ XVIII в. 4, 73, 190; 7, 49; Жук., 1966, 55—56 и др.) [АА]. Значит ли это, что в сборнике П. К. Симони зарегистрированы русские пословицы с хронологией от XI до XVIII веков и воспроизводимые далее составителями современных паремииологических коллекций?

На этот вопрос, пожалуй, можно ответить лишь диалектически: и да, и нет. Ведь записи пословиц, особенно имеющих народно-речевую то-

нальность, начались в основном именно в Петровскую эпоху, но лексика, входящая в их состав в качестве компонентов, чаще всего имеет несомненно древнюю, древнерусскую глубину погружения — с X века и даже ранее. Поэтому составители трёх фундаментальных словарей и приводят пословицы из собрания П. К. Симони в качестве контекстных иллюстраций к описываемым лексемам. Так поступал и В. И. Даль в своем словаре, где паремии нередко служат именно контекстными иллюстрациями. Этот подход объясняется и самим названием сборника П. К. Симони, обозначившим исходную хронологию бытования записанных паремий XVII веком: «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий». А сама лексика, образующая некоторые из таких паремий, видимо, «соблазнила» составителей наших исторических словарей на бóльшую хронологию погружения, чем определил составитель сборника древних пословиц.

Лексикографам и паремиологам ещё предстоит определить максимально точную (по возможности) конкретизацию хронологического параметра путем рассмотрения таких факторов, как а) наличие в других паремиологических источниках, имеющих хронологическую дистрибуцию; б) фиксация той или иной паремии в русских диалектных источниках; в) фиксация такой паремии в русской литературе XVIII века; г) наличие параллелей такой паремии в славянских и инославянских языках.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отражение фрагментов языковой картины мира Петровской эпохи в паремиологии этого времени

Дальнейшее изучение столь ценного паремиологического источника, на наш взгляд, требует скрупулёзного анализа его материала *sub specie* диалектологии и диалектографии. Ниже предлагается первый опыт такого исследования, основанный на сопоставлении паремий из собрания П. К. Симони и других источников Петровской эпохи с их параллелями, описанными нами в «Большом словаре русских пословиц» с общим объёмом более 70 000 паремий [Мокиенко и др., 2010] и позднейших дополнениях к нему. В этот современный свод русской паремиологии мы не только включили пословицы из всех доступных русских паремиологических сборников, но и паремии из большинства диалектных словарей, что позволяет каждую единицу достаточно точно квалифицировать во времени и пространстве.

О чём же свидетельствует предпринятое сопоставление материалов источников Петровского времени с материалами нашего паремиологического свода?

Прежде всего, оно показывает достаточно большую «компатибельность» этих материалов. Действительно, многие пословицы, зафиксированные в собрании П. К. Симони, имеют заметную «перекличку» с материалами паремиологических сборников того же или позднейших периодов. Вот несколько подобных примеров, где на собрание П. К. Симони даются точные ссылки: *Женится — переменится (переродится)* (Сим., 104); *Лошадка в хомуте, везёт по муготе* (Сим., 116) < Могута́ — физическая сила, мощь; *Лакома овца к соли, [а] коза к воле* (Сим., 185) < Лáкомый — имеющий пристрастие к чему-либо, падкий на что-либо; *В поле съезжаются — родом не считаются* (Сим., 89) < Людям слабым или в боях неумелым, дозволялось приглашать наймитов, или наёмных бойцов, не разбирая того, что барину приходилось биться с каким-либо холопом или купцу с черносотным мужиком; *На гнилой товар — [да] слепой купец* (Сим., 127) < *Перм.* 1. По недосмотру или вынужденно приобретается что-либо некачественное (Прок., 1988, 259). 2. При вынужденной покупке не приходится обращать внимания на изъяны покупаемого (СПГ, 2, 438) [АА].

3.2. Отношение к науке и учению в паремиологии Петровской эпохи

Сборник К. П. Симони и паремиологические собрания Петровского времени, несомненно, являются историческими памятниками. Причём памятниками разных эпох российской истории. И пословицы, включённые в них, представляют собой своеобразный палимпсест, отслаивая слой за слоем которого, мы погружаемся в разные фрагменты паремиологической картины мира. Естественно, что в этой картине отражены и новые культурно-исторические веяния, поддерживаемые Петром Первым. Так, в пословицах *Артемию не кажи академию* [Симони, XVII—XIX, с. 75] и *Астрономия уметь — любовь к Богу иметь* [Там же, с. 73] запечатлелось отношение к научным занятиям, интенсивно поощряемое первым русским императором. Конечно, слово *академия* гораздо древнее его эпохи, ибо было известно уже в древнерусском языке в форме *акадимия* и восходит к поздне-греч. *Аκαδημία* (происносится *akadimía*). Оно употреблялось в значении ‘место философских споров в Древней Греции’. Второе же рождение и пребывание его в русском языке, в более привычной нам форме *академия*, отсчитывается с 1637 года («Космография» Лыкова): «Королева Елисава ... поставила академию, сиречь училище всяких розных грамотных учений». И именно в Петровское время *академия*, как и *академия* и его производные стали уже обычными, употребительными словами, о чем, в частности, свидетельствует и «Указ об учреждении Академии» от 28 января 1724 года, где оно многократно повторяется. Причём — в уже ином, современном значении, объединяющем научные и педагогические функции: ‘объединение научных

учреждений, имеющее целью развитие наук или искусств’ и ‘название некоторых высших учебных заведений’ [Черных, 1993, т. 1, с. 32]. Именно эту семантику пословицы и запечатлел сборник П. К. Симони.

Кстати, именно выделение у слова *академия* значения ‘название некоторых высших учебных заведений’ стало стимулом к историческому обоснованию того, что первым университетом России был не Московский университет, а Петербургский, основанный Петром Первым как *Академия* [Копелевич, 1977, 35]. Русский император в актовом зале северонемецкого университета города Грайфсвальд (где он многократно бывал во время Северной войны) в сентябре 1712 года получил грамоту президента академии наук Германии Готфрида Вильгельма Лейбница на право основания академии по европейскому статусу, то есть университета, который с момента своего основания имел и профессуру, и студентов. Петербургский же университет при Императорской академии наук был учрежден в 1724 году и открыт в январе 1726 года. Этот исторический факт был доказан и официально признан благодаря усилиям ректора Санкт-Петербургского государственного университета профессора Л. А. Вербицкой, см. подробнее: [Вальтер и др., 2021].

В Петербургской Академии наук, учрежденной по указу первого русского императора в 1724 году, как видим, знания астрономии приравнивались (судя по приведенной выше пословице) к боголюбию. При этом в духе Петровского времени, когда отношение разных слоев населения к преобразованиям было амбивалентным, оценка науки была неоднозначной, что отразилось и в пословицах. С одной стороны, вера в науку воплотилась в подчёркивании её перспективности для развития творческих способностей, воздействия на природу и достижения прогресса: *Наука переменит природу* [Татищев, начало XVIII, с. 57]; *Науки разум изощряют*. Последняя пословица, кстати, цитировалась благодаря оде А. П. Сумарокова [СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 60] и в какой-то мере перекликается с хрестоматийным крылатым афоризмом М. В. Ломоносова *Науки юношей питают*. Наука и движение к познанию — несомненное добро, в то время как всё плохое усваивается, увы, и без науки: *Худое без науки даётся* [Лексикон, 1731, с. 105; Геуг, 1981, с. 91]. Традиция уважительного отношения к познаниям выражена и в пословице с древним славянским наименованием науки — *вежеством (вежством)*, то есть знанием, учёностью: *Не дорого ничто, дорого вежество (вежство)* [Симони, XVII—XIX, с. 126; СОРЯ XVI—XVII, т. 2, с. 59 и др.].

С другой стороны, в пословицах отражена и вечная идея мучительного движения к научному познанию: *Мука — всему наука* [Симони, XVII—XIX, с. 121 и др.]. Эта пословица, запечатленная сборником П. К. Симони, также находит аналогии в собраниях XVIII века: *Идти в науку — терпеть [и] муку* [Барсов, 1770, с. 178; СлРЯ XVIII, с. 13, 72 и др.]; *Всякая наука не*

без труда [Лексикон, 1731, с. 353; Геуг, 1981, с. 140]. Вместе с тем подчеркивается и необходимость желания заниматься наукой: *Науку в голову не вобьёшь, как охоты не будет* [Богданов, 1741, с. 99 и др.].

Разумеется, вера в науку, отраженная в пословицах Петровского времени, распространялась в то время и на такую область знания, как теология, предполагавшую основательное знание Библии. Отсюда включение в паремнологические собрания библейской афористики на старославянском языке, например: *Дух бодр, [да] плоть немощна* (Мф. 26, 41) [Симони, XVII—XIX, с. 95].

3.3. Денежные единицы в паремнологии Петровской эпохи

Немало в собрании П. К. Симони и пословиц, которые запечатлели бытовые реалии, относящиеся к разным периодам русской истории, но при этом сохранились в языковой памяти Петровского времени. Таковы, например, наименования денежных единиц разного достоинства. Одним из предшественников монетарной европеизации было, как известно, слово *алтын*, заимствованное из татарского языка и имеющее древнюю (с 1375 года) историю в России. Но пословицы отнюдь не случайно сохранили это слово: ведь во время царствования Петра Первого серебряный алтын ещё не был историзмом, он чеканился с 1704 по 1728 годы. Ср. пословицу *Алтын серебра не ломит ли ребра?* [Симони, XVII—XIX, с. 77 и др.]. Значение этой денежной единицы подчёркивает и пословица *Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют* [Там же]. Именно поэтому слово *алтын* активно употребляется в составе многих пословиц и поговорок: *Алтын в мошине, а Мартын в квашине; Алтын пропадёт, и Мартын упадёт; Алтын стал дорог и Мартын вырос долог; Алтын убогих прельщает, а Мартын богатых смущает; Алтыном да Мартыном хошь ворота запирай; Алтын сам ворота отпирает и путь очищает; От кума алтын, [а] от кумы полотно* [Симони, XVII—XIX, с. 152].

Показательно также, что *алтын* в некоторых пословицах «перекликается» с названиями других денежных единиц, особенно — *полтиной* и *рублем*: *Пожалеть алтына, потерять полтина* [Там же, с. 134 и др.]; *Алтын пробивает [и] тын, а полтина убивает и Мартына* [Там же, с. 75]; *Тот алтын не того рубля* [Там же, с. 143 и др.]; *Алтыном полтина, а полтиною рублина* [Там же, с. 76 и др.], где *рублина* ‘рубль’. Ср. также корреляцию *полтины* и *рубля* в пословице *Деловцу полтина, а нарядчику — рубль* [Там же, с. 93]; *Плотнику полтина, а нарядчику рубль* [Там же, с. 134].

Хотя *полтина*, как и *рубль-гривна*, появилась в русских княжествах еще в XIII—XIV веках, она, как и *алтын*, оставалась актуальным платёжным средством и в Петровское время. С XVII века это была монета достоинством

в половину *рубля*. А первая петровская монета «нового» типа — *полтина* 1699 года до сих пор является нумизматическим раритетом. Поэтому не случайно их совместное появление в пословицах этого времени. А *рубли* по своей паремиологической частотности в собрании П. К. Симони и других источниках Петровского времени не уступает иным наименованиям денежных единиц. По таким пословицам можно — пусть и весьма приблизительно — определить не только его покупную стоимость, но и социальную значимость: *Азбука в шесть денег, а псалтирь по рублю* [Там же, с. 74 и др.]; *От священника молитва, от людей — пять рублей* [Там же, с. 152]; *Не бей мужика кнутом, бей его (его) рублем* [Там же, с. 128 и др.]; *Лучше ста рублей — сто друзей* [Там же, с. 117 и др.]; *Деньга рубля бережет* [Там же, с. 93 и др.]; *Деньга рубля стережет* [Там же, с. 93]; *Домашняя гривна лучше заезжего (отъезжего, дальнего) рубля* [Там же, с. 97 и др.].

Как видим, пословицы в записях П. К. Симони отразили и «переключку» нашей основной денежной единицы, *рубля*, с такими древними монетарными названиями, как *деньга* и *гривна*. Ср. также: *Деньга — слина, а без нее — схи́ма* [Там же, с. 97 и др.]; *Кус деньга, кус гривна* [Там же, с. 112 и др.]. Они различны как по происхождению, так и по своей судьбе в русском языке. Первое слово, несмотря на этимологические разночтения в его интерпретации, несомненно, является чужезычным и заимствовано, по всей вероятности, с Востока [Черных, 1993, т. 1, с. 241]. Ср. монг. *tengah* и *tengteheh* ‘мелкая серебряная монета, монета вообще’. Несомненна и его древность, ибо оно активно употреблялось уже в XIV веке, причём нередко — в той же монетарной «связке» с *алтыном*, которая отражена пословицами. Ср. контекст из договорной грамоты 1361—1382 годов: «А пошлины с семьи шесть *денегь*, с пешеходовъ два *алтына*; с одного не имати». Закономерно и уточнение этой денежной единицы словом *гривна* в древнерусском языке в Послании Новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Симону в 1496—1504 годах: «Ино то мастеру принести каша да *гривна денегь*» [Срезневский, т. 1, с. 651]. В отличие от *деньги*, слово *гривна* — исконно славянское: прасл. *grivъna, образованное от *griva ‘шея, затылок’, первоначально значило ‘ожерелье’ и лишь потом приобрело значение ‘денежная единица’ в силу обычной делать ожерелья из монет [ЕСУМ, т. 1, с. 593]. *Гривна* была основной денежной и весовой единицей в Древней Руси и представляла собой серебряный слиток весом около фунта (409,5 грамм). В этом значении слово употребляется уже в древнейшем правовом кодексе Киевской Руси «Русской правде» (1016 год) Ярослава Мудрого.

Но этими широко известными названиями денежных единиц пословичный их реестр не исчерпывается. В паремиологической кладовой сохранились и старые, утратившие актуальность уже в Петровское время,

названия денежных единиц. Таковы старославянские названия мелких монет *цата* и *шелаг* (*шелег*): *Цата славна шестая часть копейки* [Симони, XVII—XIX, с. 153]; *Шелаг (шелег) в мошну, а алтын из мошны* [Там же, с. 157 и др.]. В ряду таких архаичных наименований, давно закопанных в землю, самое почётное место, пожалуй, занимает *куна* — мелкая денежная единица, которая в домонгольский период была равна 1/25 гривны, а позднее — 1/50 гривны; одно время это слово было названием денег вообще. Характерно его употребление в Приписке из Паремийника 1313 года: *Что куна (кунъ), то все въ калитѣ, что пѣртъ, то все на себѣ* [СлРЯ XI—XVII, вып. 8, с. 120]. Слово это знаменательно тем, что воспроизводит историю происхождения денег: в славянских языках оно первоначально обозначало ‘куницу’, а поскольку её мех ценился высоко, она уже давно (напр. в «Русской правде» Ярослава Мудрого) стала обозначением денег вообще. При этом в разные периоды на Руси имели хождение разновидности кун: *куны старые, куны ветхие, куны новые, смоленские куны, тверские куны* и др., см: [Срезневский, 1364—1367]. Любопытно, что в современной Хорватии *куна* (*kuna*) является основной денежной единицей, равной примерно 12 российским рублям. Это архаическое славянское название было ревитализировано 26 июля 1941 года вместо югославского динара. В собрании же П. К. Симони оно хранится не менее надёжно в виде пословицы *Беда куны родит* [Симони, XVII—XIX, с. 80].

В аналогичном направлении шло развитие и другого древнего обозначения денег — *белки*. Известно, что именно её шкурками производились денежные расчеты наших предков — ср. выражение *по бѣлѣ и веверице* из «Слова о полку Игореве», где упоминается и оплата дани именно *белами*, то есть беличьими шкурками: *«Емляху дань по бѣлѣ отъ двора»*. С белкой связывают и одну из двух этимологий слова *алтын*, а именно — с тюркско-татарским *алты тийен* — букв. «шесть белок». Показательно, что именно *бела* как денежный эквивалент в древнерусских текстах коррелирует с уже упомянутыми выше и *куной*, и *полтиной*, и *деньгой*: *«Дати ми Марьи братьни дочери земныхъ кунъ 40 бѣлѣ»* (Дух. Новг. и Дв. XIV—XV в.); *«Се язъ Христофоръ игумень купилъ есми пустошь ... даль есми на ней полтину да десять бѣлѣ»* (Прав. грамм. Кирил. мон. 1490 года); *«Оброку ... по пятидесять бѣлѣ на годъ, а за бѣлку по три денги»* (Оброчн. 1551 года) [Срезневский, т. 1, с. 217]. Пословицы Петровского времени поэтому сохранили свидетельства нелегкого беличьего промысла с целью добычи такой значимой «пушной валюты»: *Белки ловить — ножки (ношки) отбить* [Симони, XVII—XIX, с. 81]; *Ловя белки, насорить (засорить) зенки* [Там же, с. 117]. Так паремиологическая сокровищница запечатлевает важнейшую экономическую реалию России прошлых веков.

3.4. География в паремиологии Петровской эпохи

Достаточно масштабно в сборнике пословиц П. К. Симони отражена география российского пространства того времени. При этом нередко топонимический ориентир обогащается его соответствующей паремиологической оценкой, имеющей историческую ценность. Небезынтересен сам набор наименований географических объектов, прошедших через такой паремиологический фильтр. В него входят прежде всего названия городов, входивших в допетровское и петровское время в состав Российской империи: Москва, Киев, Новгород (как Великий, так и Нижний), Тула, Ростов, Казань, Смоленск, Астрахань, Азов, Кашира, Ахтуба ...

Первые два города, имеющие известное историческое значение, издавна получили и особый паремиологический статус. Понятно, что древняя пословица *Язык до Киева доведёт*, зарегистрированная в собрании П. К. Симони [Симони, XVII—XIX, с. 161], воспроизводится практически всеми последующими сборниками пословиц и поговорок. Характерно, что её фиксируют собиратели во многих диалектных регионах современной России: в Поморье и Архангельской области [АОС, вып. 11, с. 221 и др.], Псковской [СПП, 2001, с. 144 и др.] и Тверской [ТПП, 1993, с. 9] областях и даже в русских говорах Акмолинской области (Асенова, 2010, 11) [АА]. Была она известна и в варианте *Ась до Киева доводит* (Д, 1, 27) [Там же], где *ась* значило отклик при обращении или переспрашивании [СОРЯ, XVI—XVII, вып. 1, с. 66]. В кубанских говорах, естественно, пословица зафиксирована в украинизированной форме: *Язык до Киева доведэ* (ППЗК, 2000, 68) [АА]. Любопытно, что пск. *Язык до Киева доведе* [ПОС, вып. 9, с. 99] по структуре переключается с близким словосочетанием в непословичном контексте, записанном в Печорском районе: «Пустой язык [эстонский]: им только до Печор можно дойти» (Печор., 1890), где словосочетание *пустой язык* значит ‘малораспространённый’ [СРНГ, вып. 33, с. 147]. Такие детали свидетельствуют о глубоких корнях восприятия русским населением Киева как одного из древних центров культурно-языкового взаимодействия России и Украины, что и отражено П. К. Симони и последующими паремиологами.

Комментируя эту пословицу, нельзя не обратить внимания на чисто лингвистический парадокс, обусловленный историей этой пословицы. Может показаться странным, что самый полный четырёхтомный академический сборник украинской паремиологии фиксирует пословицу о Киеве, в который можно добраться с помощью языка, лишь два раза, причем один раз — в сборнике середины XIX века М. Номиса *Язык до Киева доведе* (Ном., 22) [ПП, т. 3, с. 280], а второй — в контексте романа П. Мирного конца XIX века: *Язык, матушка, до Киева доводит* [ПП, т. 4, с. 308]. При

этом и под словом *Язык*, и под топонимом *Київ* в собрании М. М. Пазяка приводятся по несколько десятков украинских пословиц и поговорок. Оказывается, пословицы о Киеве, как видим, в русской паремиологии гораздо частотнее и употребительнее, чем украинские. Причина этого парадокса — в языковом развитии. Если в русском языке слово язык сохранило синкретичное обозначение и части тела, и процесса говорения, то в украинском, как в польском (*język u towa — ср. towa potoczna*) или немецком (*Zunge u Sprache — ср. Umgangssprache*), второе значение специализировалось в виде лексемы, образованной от глагола, в данном случае от *мовити* ‘говорить’: оно закрепилось за словом *мова* — ср. *розмовна мова*. А пословица, где слово *язык* синкретично, сохранила свою популярность и первичное соматическое значение именно в русском языке, что и отразили паремиологическое наследие П. К. Симони и судьба пословицы о Киеве в русском языковом пространстве.

Пословицы же о столице России частично характеризуют более или менее нейтрально её географическое расположение и ландшафтную специфику: *Новгород Нижний — сосед Москве ближний* [Симони, XVII—XIX, с. 126]; *Харитон с Москвы прибежал с вестьми* [Там же, с. 150 и др.]; *Москва стоит на болоте, а ржи в ней не молотят* [Там же, с. 123]. Некоторые же из них предваряют наиболее частотную сейчас пословицу о Москве — *Москва слезам не верит* и её варианты, которые не вошли в собрание П. К. Симони, а были записаны позже — ср.: *Москва слезам не верит* (Сн., 1848, 231; Д, 4, 49, 219; Раз., 1957, 26; Жук., 1966, 228—229; Пермяков, 1988, 162; Соловьева, 2001, 51 и др.) [AA]; *Москва слезам не покает* (Д 4, 49) [Там же]; *Москва словам не верит, ей дела (дело) подавай* (Под., Зим., 1956, 29; Ан., 1988, 185) [Там же]. Они негативно оценивают жизнь в Москве: *Москва что доска: спать широко (широка), да везде гнетёт* [Симони, XVII—XIX, с. 121 и др.]; *Живучи в Москве, пожить и в тоске* [Там же, с. 102 и др.] и под.

Новгород, как мы видели, характеризуется чисто географически — как ближайший сосед Москвы. Вторая же пословица о нём в сборнике П. К. Симони представляет собой некую хронологическую и лингвокультурологическую загадку: *Новгород щекочет, к поезду ехать не хочет* [Там же, с. 125 и др.]. Известно, что первое железнодорожное сообщение в России было открыто 11 ноября 1837 года в России. Пословица же древнее этого события, и более того: маршрут первой железной дороги пролегал от Петербурга до Царского села, когда до подобной дорожной связи с Новгородом ещё не могло быть и речи. Разгадка, как кажется, в архаической семантике слова *поезд* и диалектной — глагола *щекотать*. Слово *поезд* (*поѣздъ*) прежде имело то же значение, что и *поездка* — ‘отъезд, отпра-

ка в путь, дорогу’ или ‘торжественная, обрядливая езда, процессия’ — ср. *свадебный поезд, похоронный поезд* и т. п. А глагол *щекотать* в пословице, зафиксированной собранием Ю. К. Симони — несколько искаженный новгородский диалектизм *щелкотать* ‘говорить без умолку, болтать’ [НОС, 2010, с. 1317—1318]. Если предлагаемая расшифровка верна, то значение пословицы — ‘жители Новгорода из-за долгих разговоров не спешат отправляться в путь’.

В паремиологическом контексте названий некоторых городов сохраняется память о давно ушедших реалиях, например, типичной одежде, которую носили или производили их жители: *Тула зипуны сдула, а Кошира в рогожи обшила* [Симони, XVII—XIX, с. 144]; *Кошира в рогожи нас обшила, а Тула в лапти обула* [Там же, с. 114 и др.]. Ср. также старинную псковскую пословицу *Тула и зипун сдула, а Кашира и в рогозину вишла* [ПС, 1959, с. 326; СПП, 2001, с. 142]. Кашира — один из старейших (основан в 1356 году) русских городов в 90 км к югу от Москвы, на высоком правом берегу реки Оки. Тула впервые упоминается в Никоновской летописи XVI века под 1146 годом. Различные по масштабам и числу жителей, эти города всегда были связаны друг с другом, а кустарное производство в них было традиционным. Отсюда — *зипуны, лапти и рогожи-рогозины*, запечатленные в пословицах. *Зипуном* с XVII века называли мужскую и женскую верхнюю наплечную одежду с неширокими рукавами, которую надевали поверх рубахи под кафтан. В XVIII — начале XX веков его использовали как будничную и праздничную одежду крестьян весной и осенью. *Рогожа (рогоза, рогожина, рогозина)* — грубая хозяйственная ткань, которую первоначально производили из волокон растения *рогоза*, а позднее — из лыка (мочала). Из такой ткани изготовляли грубую рабочую одежду, мешки, половики и т. п.

Географическая удалённость подчёркивается в пословице об Астрахани, вошедшей в состав России при Иване Грозном в середине XVI века: *Астрахань далеке, а Сибирь и дале того* [Симони, XVII—XIX, с. 77 и др.]. Другая пословица закрепляет известное всем представление о знаменитых астраханских арбузах: *Астрахань арбузами, а мы гологузами* [Там же, с. 76; СОРЯ XVI—XVII, вып. 1, с. 56]. Ср.: *Есть арбузы — ходить с гологузы* [Симони, XVII—XIX, с. 160], где *гологузый* ‘бедный, нищий’. Закономерно и представление о богатых рыбных ресурсах Астрахани: *Довольна Астрахань осетрами, а Сибирь соболями* [Барсов, 1770, с. 57; СлРЯ XVIII, т. 17, с. 99 и др.]. Сибирь закономерно упоминается в пословицах — и не только как символ удалённости, пушного и рыбного промысла. Паремиология запечатлела многие аспекты истории и жизни Сибири и сибиряков [Мокиенко, 2018].

Осетры и соболя — характерные объекты добычи и торговли и для другого приволжского города — Казани: *Казань осетрами, Сибирь соболями, а Смоленск кровью*. Пословица была известна на Псковщине с начала XVI—II века [ПС, 1959, с. 317; СПП, 2001, с. 131; ПОС, вып. 16, с. 186]. Упоминание о Смоленске тоже не случайно: в XVII веке этот город был местом кровопролитных сражений между русской армией и войском Речи Посполитой.

Исторические реминисценции сохраняет и пословица, сопоставляющая Азов с Крымом: *Азов не о сто (сте) глазов, а Крым не крив* [Симони, XVII—XIX, с. 74 и др.]. Она, возможно, хранит память о неоднократном захвате Азовской крепости донскими казаками в XVII веке. Любопытно, что в «Исторической» повести о взятии Азова в 1637 году употреблена (в трансформированном виде) известная народная пословица о старых воробьях: «Казак же реша [турецким послам:] что вы к нам приходите и хотите старых воробьев на мекинах обмануть и хотите у нас Азов обманом взять» [СлРЯ XI—XVII, вып. 9, с. 342].

Азовские походы 1695 и 1696 годов стали и первыми значительными военными кампаниями молодого Петра Первого в начале его правления. Они завершились взятием турецкой крепости Азов. Присоединение же Крыма, как известно, произошло намного позже, в 1783 году, при Екатерине II.

С военными событиями, видимо, связана и пословица *Ахтуба пуста, а без караула не гуляй* [Симони, XVII—XIX, с. 74; СОРЯ XVI—XVII, вып. 1, с. 102 и др.]. Гидроним *Ахтуба* — наименование левого рукава Волги, которое также было и названием небольших населенных пунктов в этом регионе, связанном с Астраханью.

Разумеется, не всегда топонимы, вошедшие в состав пословиц, записанных П. К. Симони, прямо соотносятся с историей того или иного региона России. Так, пословица *Ездил чёрт (чорт) в Ростов, да набегался от крестов* [Симони, XVII—XIX, с. 159] образована рифмовкой, хотя, возможно, и она хранит память о Ростове Великом, где в 989—1010 годы княжил молодой Ярослав Мудрый и где, по преданию, ещё в 991 году святым Феодором был построен деревянный Успенский собор.

3.5. Бытовые реалии в паремииологии Петровской эпохи

Историческую ценность представляет и яркая палитра традиционных русских бытовых реалий, сохранённых пословицами Петровского времени. Сюда можно отнести и наименования традиционных русских кушаний, например, *Редька (Ретка) с хреном, а репка с хлебом* [Симони, XVII—XIX, с. 137] или *Жни баба полбу, да жди себя по лбу* [Там же, с. 104]. Последняя пословица не случайно вызывает в памяти известную сказку А. С. Пушкина «О попе и работнике его Балде», где работник просит попа кормить

его «вареной полбой». Любопытно в этой связи отметить и своеобразную «конкуренцию» традиционного русского растительного меню с иноземными, новыми и пока ещё экзотическими фруктами и овощами Петровского времени: *Копр в капусте смраду не пустит* [Там же, с. 114], где *копр* — анис; *Артамоны едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы* [Там же, с. 76]. Некоторые историки считают, что лимонные деревца впервые завёз в Россию именно Петр I из Голландии, хотя они упоминаются уже и в «Домострое».

3.6. Значение паремиологии Петровской эпохи для изучения разговорно-просторечной и диалектной речи

Не менее значимы паремиологические собрания Петровского времени и для исследования истории русской разговорно-просторечной и диалектной речи. Выше проводились примеры грамматических и словообразовательных особенностей такого рода. Вот ещё 2 ярких лексических примера: *Астрахань арбузами, а мы гологузами* [Там же, с. 76]; *Шутил Купряшка, да попал в тюряшку* [Там же, с. 157]. Слово *тюряшка* ‘тюрьма’ зафиксирована [СРНГ, вып. 46, с. 41] во владимирских говорах лишь в 1936 году («В тюряшке он сидит»), в то время как приведённая поговорка углубляет хронологию этой лексемы более чем на 300 лет. Слова же *гологуз* «Словарь русских народных говоров» вообще не фиксирует, хотя по прил. *гологузый*, переносно значащему ‘бедный, нищий’ [СРНГ, вып. 6, с. 314], можно его реконструировать.

Особого внимания историков языка заслуживают и реликты синтаксических особенностей русской народной речи, отраженные поговорками Петровского времени и сохранившиеся в современных диалектах — например, конструкций типа *вода носить, баня топить, голова сложить*. Ср.: *На кого ошибка не бывает* [Богданов, 1741, с. 97]; *Знать вава по перью* [Татищев, начало XVIII, с. 53]; *Палить свинья — накормить семья* [Симони, XVII—XIX, с. 135]. Но исследование таких языковых реликтов — особая задача, являющаяся одной из перспектив изучения паремиологического наследия Петровской эпохи.

4. Заключение = Conclusions

Паремиологическое наследие Петровской эпохи, как видим, — ценнейший исторический источник для изучения языка и культуры своего времени. Причем источник не книжный, а запечатлевший живую народную речь эпохи мощной демократизации литературного языка конца XVII — начала XVIII веков. Пословицы и поговорки, включённые в рукописное собрание П. К. Симони и целого ряда других источников, отражают разнообразные

явления и реалии жизни Петровской эпохи: актуальные географические объекты, экономические и бытовые реалии, типичный именованный и грамматические и лексические особенности представителей разных слоев населения Петровской России. Особое значение при этом приобретает доказуемое разграничение собственно русских пословиц и поговорок, с одной стороны, и, с другой стороны, паремиологических европеизмов-калек, хлынувших из широко распахнутого Петром Первым «окна в Европу» в наш литературный язык. Лингвистический и лингвокультурологический анализ этого паремиологического наследия позволяет реконструировать летописный образ и языковой дух одного из переломных периодов отечественной истории.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.
2. АОС — *Архангельский* областной словарь. Выпуск 1—20 / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. — Москва : Издательство МГУ, 1980—1919. — Москва : Наука, 1999—2019. (издание продолжается).
3. Барсов, 1770 — *Собрание 2491* древних российских пословиц / Сост. А. А. Барсов. — Москва, 1770. — 244 с.
4. Богданов, 1741 — *Собрание* пословиц А. И. Богданова // ППЗ 1961. — С. 65—118 ; С. 259—263.
5. ЕСУМ — *Етимологічний* словник української мови / Гол. ред О. С. Мельничук : У 7 т. — Київ : Наукова думка, 1982. — Т. 1 : А—Г. — 631 с. ; Т. 2 : Д—Копці, 1985. — 570 с. ; Т. 3 : Кора — Москва, 1989. — 549 с. ; Т. 4 : Н—П. — 2003. — 656 с. ; Т. 5 : Р-Т. — 2006. — 407 с. ; Т. 6 : У-Я. — 2012. — 567 с. ; Т. 7 (в роботі).
6. Лексикон, 1731 — *Вейсман* Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатно издан. — Санкт-Петербург : Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. — [4], 788, 48 с.
7. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. — Москва : «ОЛМА Медиа Групп», 2010. — 1024 с. — ISBN 978-5-373-03250-6.
8. Номис, 1864 — *Українські* приказки, прислів'я і таке інше : 3б. О. В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. — Санкт-Петербург, 1864. ; 3-е вид. — Київ : Либідь, 1993. — 766 с.
9. НОС, 2010 — *Новгородский* областной словарь / Институт лингвистических исследований РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин и А. А. Мызников. (— Сост. А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова ; ред. : А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова). — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — XXVII, 1435 с. — ISBN 978-5-02-025586-9.
10. ПОС — *Псковский* областной словарь с историческими данными. Основан Б. А. Лариным. — Выпуск 1—28. — Ленинград-Санкт-Петербург : Издательство ЛГУ—СПбГУ, 1967—2019. (издание продолжается)
11. ПП 1—4 — *Прислів'я та приказки*. Упорядник М. М. Пазяк. — Київ : «Наукова думка». — Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. — 1989. — 479 с. — Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. — 1990. — 524 с. — Т. 3. Взаємини

між людьми. — 1991. — 440 с. — Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Упорядник М. М. Пазяк. — Київ : Наукова думка, 2001. — 392 с.

12. ППЗ, 1961 — *Пословицы*, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII—XX веков / Издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. — Москва-Ленинград : Наука, 1961. — 289 с.

13. ПС, 1959 — *Шаповалова Г. Г.* Псковский рукописный сборник пословиц XVIII в. / Г. Г. Шаповалова // Русский фольклор. Материалы и исследования, IV. — Москва-Ленинград, 1959. — С. 305—330. (Псковский сборник).

14. РС начала XVIII — *Рукописный* сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени // Памятники древней письменности. — Санкт-Петербург, 1880. — Выпуск IV. — Отд. 2.

15. *Сборник* пословиц б. Петровской галереи // ППЗ 1961. — С. 23—39.

16. Симони, XVII—XIX — *Симони П.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. — Санкт-Петербург, 1899. I—XIX + 216 с.

17. СлРЯ, XI—XVII — *Словарь* русского языка XI—XVII вв. / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — Москва : Наука — Азбуковник. 1975—2015. — Выпуск 1—30 (Издание продолжается).

18. СлРЯ, XVIII — *Словарь* русского языка XVIII в. — Ленинград-Санкт-Петербург : Наука, 1984—2019. — Выпуск 1—23. (издание продолжается).

19. СОРЯ, XVI—XVII — *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси (XVI—XVII вв.) / Под ред. О. С. Мжельской. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета ; «Наука», 2004—2019. — Выпуск 1—8. — ISBN 5-02-027017-2.

20. СПП, 2001 — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / Составители В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Научный редактор Л. А. Ивашко. 13 000 единиц. — Санкт-Петербург : «Норинт», 2001. — 176 с. — ISBN 5-7711-0118-4.

21. Срезневский, 1893—1912 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург, 1893—1912. — Т. 1—3.

22. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова / Главный редактор С. А. Мызников. — Ленинград-Санкт-Петербург, 1965—2019. — Выпуск 1—51. (издание продолжается).

23. Татищев, начало XVIII — *Сборник* пословиц В. Н. Татищева // ППЗ 1961. — С. 47—64 ; С. 257—259.

Литература

1. *Вальтер Х.* Славистика в Петербургском и Грайфсвальдском университетах (результаты сотрудничества) / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — № 17 (4). — С. 691—708. — DOI: 10.21638/spbu09.2020.412.

2. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук / Ю. Х. Копелевич. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1977. — 211 с.

3. *Мокиенко В. М.* Сибирь в малых жанрах русского фольклора / В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 53. — С. 48—60. — DOI: 10.17223/19986645/53/4.

4. Палевская М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века / М. Ф. Палевская. — Кишинев : Штиница, 1980. — 366 с.
5. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — Т. I ; Т. II. — Москва : Русский язык, 1993.
6. Geyr H. Sprichwörter und sprichwortnahe Bildungen im dreisprachigen Petersburger Lexikon von 1731 [siebzehnhunderteinunddreissig] / H. Geyr (=Symbolae slavicae. Bd. 13). — Frankfurt am Main-Bern : Peter Lang Verlag, 1981. — 234 S.
7. Radzik A. Ze studiów nad frazeologią historyczną języka rosyjskiego. Frazeologizmy w niemiecko-lacińsko-rosyjskim Leksykonie petersburskim z 1731 roku. — Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. — Kraków : Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2000. — 179 s.

Material resources

- AA — *The author's archive*. (In Russ.).
- AOS — Getsova, O. G., Nefedova, E. A. (ed.). *Arkhangelsk Regional Dictionary, 1—20*. (1980—1919, 1999—2019). Moscow: Publishing House of Moscow State University. Moscow: Nauka. (the publication continues). (In Russ.).
- Collection of proverbs by V. N. Tatishchev. *PPZ 1961*. 47—64; 257—259. (In Russ.).
- Collection of 2491 ancient Russian proverbs*. (1770). Moscow. 244 p. (In Russ.).
- Collection of proverbs by A. I. Bogdanov. *PPZ 1961*. 65—118; 259—263. (In Russ.).
- Collection of proverbs b. Petrovskaya Gallery. *PPZ 1961*. 23—39. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs. About 70,000 proverbs*. Moscow: OLMA Media Group. 1024 p. ISBN 978-5-373-03250-6. (In Russ.).
- NOS — Levichkin, A. N., Myznikov, A. A. (ed.). (2010). *Novgorod Regional Dictionary / Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences*. Saint Petersburg: Nauka. XXVII, 1435 p. ISBN 978-5-02-025586-9. (In Russ.).
- POS — *Pskov regional dictionary with historical data. Founded by B. A. Larin, 1—28*. (1967—2019). Leningrad—St. Petersburg: Publishing House of LSU—St. Petersburg State University. (the publication continues). (In Russ.).
- PPZ — *Proverbs, sayings, riddles in handwritten collections of the XVII—XX centuries*. (1961). Moscow-Leningrad: Nauka Publishing House. (In Russ.).
- PP 1—4. — *Adverbs these displays. Persistent M. M. Pazyak*. (1989—2001). Kiev: Science dumka. (In Ukr.).
- PS — Shapovalova, G. G. (1959). Pskov manuscript collection of proverbs of the XVIII century. *Russian folklore. Materials and Research, IV*. Moscow-Leningrad. 305—330. (Pskov collection). (In Russ.).
- RS of the beginning of the XVIII. — A handwritten collection of proverbs, sayings and sayings of Peter's time. (1880). *Monuments of ancient writing, IV (2)*. St. Petersburg. (In Russ.).
- Simoni, P. (1899). *Ancient collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. of the XVII—XIX centuries*. St. Petersburg. I—XIX + 216 p. (In Russ.).
- SLR, XI—XVII — *Russian Dictionary of the XI—XVII centuries. Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 1—30*. (1975—2015). Moscow: Nauka — Azbukovnik. (The publication continues). (In Russ.).
- SORYA, XVI—XVII. — Mzhelskaya, O. S. (ed.). (2004—2019). *Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus (XVI—XVII centuries), 1—8*. St. Petersburg: Pub-

- lishing House of St. Petersburg State University; Science. ISBN 5-02-027017-2. (In Russ.).
- SPP, 2001 — Ivashko, L. A. (ed.). (2001). *Dictionary of Pskov proverbs and sayings*. St. Petersburg: Norint. 176 p. ISBN 5-7711-0118-4. (In Russ.).
- Sreznevsky, I. I. (1893—1912). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments, 1—3*. St. Petersburg. (In Russ.).
- SRNG — Myznikov, S. A. (ed.). *Dictionary of Russian folk dialects, 1—51*. (1965—2019). Leningrad–Saint Petersburg. (the publication continues). (In Russ.).
- The 18th century Dictionary of the Russian Language of the 18th century, 1—23*. (1984—2019). Leningrad–St. Petersburg: Nauka. (the publication continues). (In Russ.).
- Ukrainian sayings, proverbs and so on: Sat. O. V. Markovich and others / buildings in Nomis*. (1864, 1993). St. Petersburg. 3rd ed. Kiev: Lybid. 766 p. (In Ukr.).
- Weisman, E. (1731). *German-Latin and Russian lexicon together with the first beginnings of the Russian language for general use at the Imperial Academy of Sciences is printed*. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey. [4], 788, 48 S. (In Russ.).
- YESUM — Melnichuk, O. S. (ed.). (1982—2012). *Etymological Dictionary of the Ukrainian language: In 7 volumes*. Kiev: Naukova dumka. (In Ukr.).

References

- Chernykh, P. Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
- Gey, H. (1981). *Sprichwörter und sprichwortnahe Bildungen im dreisprachigen Petersburger Lexikon von 1731 [siebzehnhunderteinunddreissig]*. Frankfurt am Main–Bern: Peter Lang Verlag. 234 S. (In Germ.).
- Kopelevich, Yu. Kh. (1977). *Foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences*. Leningrad: Nauka Publishing House, Leningrad Branch. 211 p. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2018). Siberia in small genres of Russian folklore. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 53: 48—60. DOI: 10.17223/19986645/53/4. (In Russ.).
- Palevskaya, M. F. (1980). *Materials for the phraseological dictionary of the Russian language of the XVIII century*. Chisinau: Shtinitsa. 366 p. (In Russ.).
- Radzik, A. (2000). *Ze studiów nad frazeologią historyczną języka rosyjskiego. Frazeologizmy w niemiecko-lacińsko-rosyjskim Leksykonie petersburskim z 1731 roku*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. 179 s.
- Walter, H., Mokienko, V. M. (2020). Slavistics at St. Petersburg and Greifswald Universities (results of cooperation). *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 17 (4): 691—708. DOI: 10.21638/spbu09.2020.412. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022,
одобрена после рецензирования 24.03.2022,
подготовлена к публикации 23.04.2022.